

Письмо — эпизод 3 из 5

Студент же Петр вовсе не ходил в церковь, спал до полудня, смотрел свысока на людей и с каким-то особенным задором любил поднимать щекотливые, неразрешимые вопросы.

Что же ты хочешь? спросил благочинный, подходя к дьякону и сердито глядя на него. Что же ты хочешь? Этого следовало ожидать! Я всегда знал и был уверен, что из твоего Петра ничего путного не выйдет! Говорил я тебе и говорю. Что посеял, то и пожинай теперь! Пожинай!

Да что же я посеял, о. Федор? тихо спросил дьякон, глядя снизу вверх на благочинного.

А кто же виноват, как не ты? Ты родитель, твое чадо! Ты должен был наставлять, внушать страх божий. Учить надо! Родить-то вы родите, а наставлять не наставляете. Это грех! Нехорошо! Стыдно!

Благочинный забыл про свое утомление, шагал и продолжал говорить. На голом темени и на лбу дьякона выступили мелкие капли. Он поднял виноватые глаза на благочинного и сказал:

Да разве я не наставлял, о. Федор? Господи помилуй, разве я не отец своему дитю? Сами вы знаете, я для него ничего не жалел, всю жизнь старался и бога молил, чтоб ему настоящее образование дать. Он у меня и в гимназии был, и репетиторов я ему нанимал, и в университете он кончил. А что ежели я его ум направить не мог, о. Федор, так ведь, судите сами, на это у меня способности нет! Бывало, когда он студентом сюда приезжал, я начну ему по-своему внушать, а он не слушает. Скажешь ему: ходи в церковь, а он: зачем ходить? Станешь ему объяснять, а он: почему? зачем? Или похлопает меня по плечу и скажет: Всё на этом свете относительно, приблизительно и условно. Ни я ничего не знаю, ни вы ничесоже не знаете, папаша.

О. Анастасий сипло рассмеялся, закашлялся и шевельнул в воздухе пальцами, как бы собираясь что-то сказать. Благочинный взглянул на него и сказал строго:

Не суйтесь, о. Анастасий.

Старик смеялся, сиял и, видимо, с удовольствием слушал дьякона, точно рад был, что на этом свете и кроме него есть еще грешные люди. Дьякон говорил искренно, с сокрушенным сердцем, и даже слезы выступили у него на глазах. О. Федору стало жаль его.

Виноват ты, дьякон, виноват, сказал он, но уже не так строго и горячо. Умел родить, умей и наставить. Надо было еще в детстве его наставлять, а студента поди-ка исправь!

Наступило молчание. Дьякон всплеснул руками и сказал со вздохом:

А ведь мне же за него отвечать придется!

То-то вот оно и есть!

Помолчав немного, благочинный и зевнул и вздохнул в одно и то же время, и спросил:

Кто Деяния читает?

Евстрат. Всегда Евстрат читает.

Дьякон поднялся и, умоляюще глядя на благочинного, спросил:

О. Федор, что же мне теперь делать?

Что хочешь, то и делай. Не я отец, а ты. Тебе лучше знать.

Ничего я не знаю, о. Федор! Научите меня, сделайте милость! Верите ли, душа истомилась! Теперь я ни спать не могу, ни сидеть спокойно, и праздник мне не в праздник. Научите, о. Федор!

Напиши ему письмо.

Что же я ему писать буду?

А напиши, что так нельзя. Кратко напиши, но строго и обстоятельно, не смягчая и не умаляя его вины. Это твоя родительская обязанность.

Напишешь, исполнишь свой долг и успокоишься.

Это верно, но что же я ему напишу? В каких смыслах? Я ему напишу, а он мне в ответ: почему? зачем? почему это грех?

О. Анастасий опять сипло засмеялся и шевельнул пальцами.

Почему? Зачем? Почему это грех? визгливо заговорил он. Исповедую я раз одного господина и говорю ему, что излишнее упование на милосердие божие есть грех, а он спрашивает: почему? Хочу ему ответить, а тут, Анастасий хлопнул себя по лбу, а тут-то у меня и нету! Хи-и-хе-хе-хе...

Слова Анастасия, его сиплый дребезжащий смех над тем, что не смешно, подействовали на благочинного и дьякона неприятно. Благочинный хотел было сказать старику не суйтесь, но не сказал, а только поморщился.

Не могу я ему писать! вздохнул дьякон.

Ты не можешь, так кто же может?

О. Федор! сказал дьякон, склоняя голову набок и прижимая руку к сердцу. Я человек необразованный, слабоумный, вас же господь наделил разумом и мудростью. Вы всё знаете и понимаете, до всего умом доходите, я же путем слова сказать не умею.